

10. Архив КФ ТФГИ по ДВФО. Книги Приказов по экспедиции № 1 за 1952 г. Инв. № 1-Б.
 11. Там же. *Макаров В. Г.* Геологический отчет по Богачевской нефтеразведке за 1946 год. Хабаровск, 1947 г. Инв. № 100.
 12. Там же. *Попов Н. Ф.* Краткий отчет о работе Богачевской нефтеразведки за период 1940–1942 гг. Пос. Богачевка, 1943 г., 143 г. Инв. № 157.

А. Г. Гропянова
КНИГИ В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ
 Памяти Евгения Валериановича Гропянова (1942–2010)

*Я люблю книги так же страстно, как
 люблю жизнь. Уходит всё: войны,
 распри, невзгоды, – уходит всё,
 что называется жизнью, и остаются кни-
 ги, книги с их страстями.*

Е. В. Гропянов

При написании статьи использованы дневниковые записи Е. В. Гропянова с 2000 по 2010 г.

В самой ранней юности Евгений Валерианович заявил о себе как о книжном творце, отдавшем служению книге почти полвека. Он был страстным поклонником её, проповедником, защитником.

Его называли романтиком книги, глашатаем книжных идей, книжным «червем», ходячей книжной энциклопедией. Он автор и соавтор более двадцати литературных проектов, различных книжных идей, начинаний. Каждая вторая книга, изданная на Камчатке за сорок два года его служения ей, прошла через его руки.

Его имя хорошо известно не только в нашем крае, но и на всем Дальнем Востоке. Евгений Валерианович более десяти лет избирался председателем Общества книголюбов г. Петропавловска-Камчатского и членом Президиума областного Общества книголюбов.

Он был книжной справкой, популяризатором, распространителем книг; автором выступлений о них по радио, телевидению, на премьерах камчатских книг; желанным гостем в производственных камчатских рабочих коллективах, на «Книжках недели» и любимым преподавателем в самой наполненной студии прозы «Парус» в школе юных литературных дарований при Доме писателей в г. Петропавловске-Камчатском, которую он вел со дня ее создания в 1993 г. до последнего дня жизни (2010 г.) (кабинет в Доме писателей, где проводились литературные мероприятия для взрослых и занятия для студийцев). Создателем и директором школы был Н. В. Санеев (1929–2001) – ответственный секретарь Камчатской писательской организации Союза писателей СССР. Школа была создана по его инициативе и поддержке органов народного образования г. Петропавловска-Камчатского в 1993 г. Н. В. Санеев проводил набор детей в эту школу и пригласил для работы с ними писателей, среди них Е. И. Сигарева – камчатского поэта, члена Союза писателей СССР и Е. В. Гропянова – камчатского писателя, прозаика, члена Союза писателей СССР. Студийцы (члены студии прозы «Парус», которую по приглашению Н. В. Санеева вел Е. В. Гропянов) называли Евгения Гропянова, своего преподавателя, душой и сердцем «Светелки».

Его часто можно было увидеть на встречах со школьниками на уроках литературы, убеждающим в пользу чтения на общешкольных родительских собраниях и даже соучителем на открытых уроках литературы вместе с Е. И. Сигаревым в старших классах школ города.

«Его уход стал невозможным ударом по камчатской культуре», – так написала об Е. В. Гропянове в «Краеведческих записках» за 2011 г. в статье «Дар музею» Е. Н. Бережевская.

5 декабря 2015 г. исполнилось пять лет, как его не стало. Три пятерки... Наверное, это символично. Но жизнь его не прекратилась.

Его мысли о литературе, писателях, их судьбе, родном языке, о прочитанном, где-то умно сказанном, его теплая, трепетная любовь к книгам остались жить в его записных книжках, дневниках, заметках на полях произведений, рукописей, оформительских работах, макетах, заставках,

Ex Libris(ax), логотипах... А суждения о прочитанном оказались столь интересными, необычными, глубокими, что заслуживают издания отдельной книгой.

Он родился в с. Авдотьино Рязанской области в 1942 г. Дети войны... Так называют сейчас тех, кто появился на свет в военное лихолетье. В семье росло четверо обожаемых родителями мальчиков. Самый старший – Евгений (благородный) рос умным, трудолюбивым, любознательным.

В семье существовал культ книги. Читали все. А самый активный – Женя. Книги у него были всегда. С самого раннего детства. Иногда отпечатанные на машинке единичные экземпляры стихов С. Маршака и К. Чуковского приносил с работы отец (дело послевоенное).

Валериан Владимирович, тонкий ценитель русской классической и зарубежной литературы, руководил чтением сына и всячески поощрял интерес к нему. Представьте себе, большая семья живет в стесненных условиях: в одной комнате в семь квадратных метров без всяких удобств. Но уголок для книг всегда находился. Еще мальчишкой Женя смастерил этажерку для хранения любимых произведений и отвел ей самое почетное место. В маленькой библиотеке тринадцатилетнего подростка можно было найти уже тогда П. Ершова и Ф. Рабле, Ч. Диккенса и А. Дюма, А. Франса и Т. Манна, Р. Стивенсона и А. К. Дойла.

Летом долгие часы ему приходилось простаивать в очереди в книжный магазин для приобретения чего-нибудь нового. Кроме того, записавшись в две городские библиотеки, он исправно посещал их и очень много читал.

Правильному обращению с книгой тоже учил отец. «Я прошел жёсткую отцову выучку, – записал Женя в своих воспоминаниях, – он наставлял меня, как надо обращаться с книгой... “Бесполезное чтение, – говорил он, – вредит. Иди лучше гуляй. Чтение – работа ума. Умей читать быстро, умей читать и медленно. Выбирай для себя главное. Научись просматривать книги: не хватит жизни, чтобы прочитать всё. Но познакомиться с автором, книгой можно только при умении ее просматривать... Тогда твой мир расширится, тем сильнее ты будешь себя чувствовать. Ты будешь знать, как мыслила, разговаривала, чем жила лучшая часть человечества... Запоминай книгу не только по цвету переплёта и её запаху, а обязательно запоминай автора и точное название... где, кем и когда выпущена, записывай то, что считаешь важным...”» Не сразу Женя стал следовать советам отца... Они входили в его жизнь постепенно.

Переломным стал год вынужденного пребывания его в белорусском городке Рогачеве в 1961–1962 гг. Подчинив свою жизнь строгому распорядку, записавшись в рогачевскую библиотеку, Евгений книги читал запоем: днём и до позднего вечера, иногда – до утра, если не болели глаза. Книг набирал много. Очень любил приключенческую литературу, русскую классическую, мемуарную. Именно здесь, в Рогачеве, он открыл для себя многих писателей.

Его удивили стихи М. Ю. Лермонтова, Женя бредил ими по ночам («С каким чувством Лермонтов мог писать в 16 лет!») и не мог оторваться от его великолепных поэм; дорогим сердцу стал А. С. Пушкин («Я безумею от восторга, читая твои стихи»), был потрясён статьёй А. П. Чехова «О литературе и искусстве». А. П. Чехов навсегда стал для него «одним из лучших друзей», умным, беспристрастным, правдивым, чутким.

Евгений обожал его до слез и преклонялся перед ним. «А. П. Чехов – это университет короткого рассказа и прекрасной, очаровательной короткой мысли, – записал он в 1962 г. в своем дневнике. – Сейчас он живет со мной, через столетия будет жить с моими сыном, внуками, правнуками. Он будет жить вечно».

До глубины души поразило его герой книги Ирвинга Стоуна «Жажда жизни» (в 1961 г.) Ван Гог. Женя восхищался силой духа этого необыкновенного человека, его мужеством, трудолюбием, твердостью характера. Навсегда запомнились слова из этой книги: «Назначение человека состоит не в том, чтобы быть счастливым. Он приходит в этот мир не за тем, чтобы быть честным, он должен открыть для человечества что-то великое, утвердить благородство и преодолеть пошлость, среди которой влачит свою жизнь большинство людей».

А собрание сочинений самого любимого и уважаемого путешественника и исследователя Новой Гвинеи Н. Миклухо-Маклая и книга «Аку-Аку» Тура Хейердала зажгли в нем страсть к путешествиям.

«Не знаю, осуществится ли это, но я хочу отправиться в кругосветное путешествие. Конечно, оно будет нереальным, а по книгам, причём будет вестись дневник путешествия, описывающий все страны, где мы побываем. Разработаю маршрут, достану книги, и тогда будет видно», – мечтал он в 1961 г.

А затем мечту захотелось претворить в реальность и совершить настоящее кругосветное путешествие на шхуне или подводной лодке. Между братьями были даже распределены обязанности: Женя – капитан, Володя – штурман, Толя – шеф-повар, а Миша – доктор...

«Я люблю читать о путешествиях в дальние страны, люблю знакомиться с народами, их обычаями, нравами. Я верю: придет ещё мое время, и я увижу созвездие Южного полушария, невидимое в Северном, – Южный Крест; Аргентину, Бразилию, страну инков – Чили; увижу Африку, буду в Индии и Китае, в Германии, Англии. Моя мечта – побывать на древнем острове Пасхи, увидеть «длинноухих и короткоухих», обследовать острова Полинезии, Микронезии, Меланезии, узнать, сохранились ли древние таблички “ронго-ронго” или исчезли, что написано на деревянных табличках, кто расшифрует неизвестные письмена».

Книги Р. Пересветова «Тайна выцветших строк», В. Дмитриева и В. Ершова «Тайна янтарной комнаты» подталкивали к изысканиям, вызывали желание посетить Британское книгохранилище, порыться в старинных фолиантах в пыльных подвалах, «много увидеть в своей жизни».

Одним словом, от книг Евгений Гропянов получал удовольствие, наслаждение. Они будоражили воображение, волновали, особенно в потускневших от времени кожаных переплетах, какая-то особая волшебная магия исходила от них. Подтверждались слова отца: они помогали понять, как огромен, необъятен окружающий нас мир, как необыкновенно прекрасен и бесконечен в познании его. В них он искал ответы на вечные философские вопросы о цели и смысле жизни, дружбе и предательстве, любви и ненависти, о предназначении человека на земле, о том, что мы оставляем людям. Правилем стали выписки главного в свои записные книжки.

Как-то у венгерского поэта XIX в. Шандора Петефи Евгений прочитал:

На что нам жизнь?
Зачем ее нам дали?
А дали? – почему ж не навсегда?

А ответ нашёл у Омара Хайяма в переводе японского поэта Бану и ими оформил обложку своего блокнота:

Не избежать конца пути земного!
Вели же принести вина хмельного!
Глупец! Ведь ты не золото:
Тебя, раз закопав, не откопают снова!

И позже себе и своим студийцам напоминал слова Сенеки: «Не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день – меньше будешь зависеть от завтрашнего!»

Детская и юношеская увлеченность чтением, потрясение, пережитое им от отдельных книг, повлияли на всю последующую жизнь Евгения Валериановича, перевернули его планы на будущее. Книги стали его спутниками, советчиками, верными друзьями, его страстью, судьбой, смыслом существования. Восторженно-возвышенное поклонение книге осталось жить в нём до конца дней его. «Вся моя жизнь будет посвящена журналистике и книге. Без них я не мыслю своего существования», – решил он в 1962 г.

Восемнадцатилетний, он находил и читал необходимую для будущей специальности литературу по редактированию, оформлению, технологии издания книг, критическую. В список его книг в 1962 г. вошли: В. Лидин «Встречи и люди», В. Кружков «Мировоззрение Добролюбова», В. Белинский «Избранные статьи», Д. Розенталь «Литературное редактирование», И. Гончаров «Милльон терзаний», Н. Телешов «Записки писателя»; «Памятники литературной Москвы» и другие.

Выбрав профессию редактора и издателя, Евгений никогда ей не изменил, проработав 42 года. «Работу люблю. Без издательства не представляю деятельности. С детства мечтал быть издателем. Делать книги – счастье!» (1962 г). «...Издательство?.. Ведь я не брошу его. Это моя кровь, моя жизнь и вера. Без книг я умру!» (27.10.2001 г.).

«Что я без книг? Червь! Нет мне без них жизни. На что мне жизнь без книг? Трава травой». (2003 г.). «Я готов обложиться книгами и жить среди них. Мудрость человеческая – в них!» (2008 г.).

А романтические мечты о путешествиях в дальние страны сбывались уже во взрослой жизни. География его поездок достаточно внушительна: он побывал в Японии, в Дании – на родине своего любимого героя, великого мореплавателя Витуса Беринга, объездил почти всю нашу необъ-

ятную страну... Как-то, разбирая свои книги, Женя сказал: «Можно получить хорошее образование, не утруждая себя походами в библиотеку» (12.01.2003 г.).

И это так. Обширные знания в области истории и географии, полученные им «не выходя из дома», умело подобранная домашняя библиотека о прошлом нашего полуострова помогли уже писателю Е. Гропянову создать художественные образы исторических героев: В. Атласова, В. Беринга, первопроходцев и первооткрывателей «Камчатской земли» («Атаман», «В Камчатку», «За переливы», «Ступай и исполни», «Via dolorosa» и другие).

При этом он очень гордился тем, что сумел, благодаря своей пытливости, неуспокоенности, неустанному желанию «копать», первым в русской художественной литературе осветить совершенно не исследованные до него страницы жизни Витуса Беринга.

«Если я говорю, что первая часть повести о Беринге трудна, то трудна – совсем не то слово. Ибо мне пришлось писать совершенно не написанное. Уверен, что потом возьмут мои изыски за основу и создадут что-то новое. Не буду заниматься самохвальством, но здесь пока некому меня переплюнуть. Я же пишу для себя и разговариваю сам с собой, оцениваю свой труд» (2001 г.).

Но как бы ни был Евгений Валерианович постоянно занят своей профессиональной работой, преподавательской, общественной, писательской, в какой бы точке полуострова или страны ни находился, как бы ни уставал, день свой он завершал обязательным чтением периодической печати; научной, исторической, географической, критической, политической, художественной русской и зарубежной литературы. Оно стало потребностью его души. Прикосновение к книгам обладало для него каким-то магнетическим свойством, словно он общался с историей той эпохи, о которой в ней пишется.

Сохранялись и привязанности к определенным изданиям. «Книги я люблю читать определенного выпуска. Привычка к книге как к другу. У меня есть “Война и мир” в нескольких изданиях: подарочное, с рисунками, в серии, в собрании сочинений Льва Николаевича, а меня тянет к изданию 1949 г. – двум томам в темно-вишневом переплете. С ними связано мое детство: улица Ключевская, двор, дети, лапта, футбол. Или М. Булгаков “Мастер и Маргарита”. Много изданий вышло, а одно, в сером дерматиновом переплете, потрепанное, именно оно читаемо. Остальные, даже шикарные, – для глаза, а эта книжка – для души».

«Люблю старые потрепанные книги, есть в них прелесть особая, запах, если хотите, и характер – уж сколько и кем только не читанная, а смотрится особняком: гордо и молодо...»

В любви к книгам Евгений признавался постоянно. Она сформировала и его собственное отношение к ним. Для него они были живыми существами. Имея уже свою библиотеку, о которой мечтал еще в детстве, часто их просматривал, протирал, разговаривал с ними. При необходимости ремонтировал – подклеивал выпавшие страницы, переплетал. Какие-то возвращал к жизни. Сам изготавливал книжки-миниатюры, используя материалы литературных страниц камчатских газет и полиграфических журналов. Помня наставления отца, оборачивал для сохранности. Покупку приобретенного издания сопровождал карандашными подписями на последней странице: где купил, когда, по какому случаю или кем прислана, подарена: «Подарил Василий Андреевич Дергунов: он спас пачку Генрика Сенкевича от огня и теперь раздает книголюбам. Я взял «Qvo Vadis» для пополнения библиотеки на даче. При чтении иногда картины захватывали до волнения – не зря дали Нобелевскую премию (в 1905 г.)» (12,20.07.2007 г.)

Он любил типографический запах книг, знал и почитал известных в России и за рубежом иллюстраторов и оформителей книжных произведений, собирал ExLibris(ы) знаменитостей, ценил гравюры В. Фаворского, А. Гончарова, Ф. Константинова и других.

«Надо научиться разговаривать с книгами. Они, как люди, живые. Гладьте их по переплету, смотрите на них с любовью, вдыхайте запах типографской краски: в них – эпоха, в них – труд полиграфиста. Даже скверная книга требует особого внимания. Она бывает взбесившейся – тогда держите её подальше от людей. Книга – продукт эпохи, в её производстве – весь опыт человечества. Что стоит за текстом – тут судить читателю, полагаясь на его подготовку и широту ума» (24.04.2006 г.).

Он был убежден в правильности своего мнения: ценность книги не в количестве напечатанных страниц: чем больше, тем лучше. Она источник мудрости, духовности, знаний. И был непримиримым противником превращения ее только в товар, броский, яркий, перенасыщенный цветными фотографиями и ни о чём не говорящим содержанием на уровне стенгазеты пятого класса.

Самыми необходимыми для читателя считал те, что написаны в лучших традициях русской классической литературы. Подтверждение своим мыслям находил в книге В. Бределя «Зарождение книги и превращение её в товар».

Обладея тонким литературным вкусом, умением просматривать книги «по диагонали», пользоваться их выходными данными и справочным материалом о публикуемых новинках, Евгений сумел создать хорошую домашнюю библиотеку. Количество книг в ней постоянно увеличивалось, но о каждой он мог рассказать целую историю. Представьте: тысячи интереснейших историй! Вот некоторые из них.

«Читаю “Дневник” братьев Эдмона и Жюля Гонкур, том второй, начал я читать в 1964 г., потом откладывал. Мы купили двухтомник в “Молодой гвардии” на ул. Ленинской, рядом с мореходным училищем. Тогда мы учились в пединституте, только поженились и 2 рубля 67 копеек что-то для нас значили. Я решительно (с согласия Алисы) пошел в магазин. Так у нас оказались Гонкур(ы). Этот двухтомник переезжал множество раз с места на место: в общежитие, на улицу Виллюскую, на улицу Кронюкскую, на Королёва, где и сейчас находится. Немного попортился супер (суперобложка), я его подклеил. Много дельного у Гонкур(ов)... Читаю с удовольствием, особенно где упоминаются Э. Золя, Г. Флобер, И. Тургенев. Читаю после стольких лет, а новизна остаётся» (26.01.2005 г.).

«Не удержался и купил 5-й том из собрания сочинений С. Аксакова “Записки ружейного охотника Оренбургской губернии” и поразился чистоте русского языка. Он, конечно, вровень с И. Тургеневым и Н. Гоголем, он отточен и поэтичен. И Лесков ему проигрывает, и Ф. Достоевский, и лишь то, что не социальные темы века поднимал С. Аксаков, в том и дело, что не остался в разряде великих, а он там сам, без причисления. Язык его – мелодия души русской. Не удержался, купил; не могу – держу в руках книгу, решаю, а она живая: есть холодные, взгордившиеся, а эта добротой отходит, – как будто дух самого С. Аксакова. Беру, плачу всего 5 руб. Книга со штампом библиотеки – “разрешено к продаже”. Наслаждаюсь фразой» (2.08.2004 г.).

С годами его пристрастия к определённым жанрам менялись. Детская и юношеская увлечённость приключенческой и фантастической литературой уходила на второй план. Но романтические мечты о путешествиях в дальние страны сохранились в душе его и, как говорилось выше, нашли своё воплощение в художественных образах героев его собственных книг и издательских работах из серии «Камчатка в описаниях путешественников».

В зрелом возрасте ему полюбились воспоминания П. Боборькина, И. Панаева, И. Репина, А. Смирновой-Россет; дневники братьев Э. и Ж. Гонкур, Т. Сухотиной-Толстой, письма А. Пушкина, И. Тургенева, И. Гончарова, А. Чехова, М. Нестерова, Б. Пастернака. «Читаю письма А. Пушкина и нахожу истинное удовольствие» (5.09.2002 г.). «В руках двухтомник писем А. Чехова. Письма сердечные, открытые. Десять тысяч писем к А. Чехову! Должно быть столько же ответов, а их в три раза меньше. Вот о чём можно жалеть!..» (31.01.2001 г.).

«Читал переписку А. П. Чехова, том первый, вновь наслаждался, как в зиму 6.11.62 гг., когда был без ума от его книги “О литературе и искусстве”. Я её читал пословно, для меня она была открытием. Я не могу представить литературу без Чехова. Он гениален навсегда» (20.01.2007 г.).

«С большим удовольствием читаю письма И. Гончарова. Жалею, что не удосужился прочитать их ранее... Удивителен его слог» (14.11.2008 г.). «В ночь знакомился с письмами М. Нестерова, с наслаждением читал, как молитву, и каким-то чувством жадности до русского слова и понимания, что есть искусство» (15.04.2010 г.).

По последней записи понятно, что Евгений Валерианович не ограничивался вышеуказанными жанрами. Он обожал живопись и прекрасно разбирался в ней ещё с детства, за что не раз получал комплименты от художников. «Вчера Федор Дьяков – народный художник РФ сказал: “Ты разбираешься в живописи!” Я ответил: “Я изучил много книг по искусству, посещаю выставки художников, для меня живопись – родная стихия. Ничего больше не люблю, как пейзаж, особенно русский, унылый, с низким небом. Смотришь – плакать хочется...”» (19.11.2009 г.).

Живопись часто помогала ему в писательстве. «Чтобы набраться творческих ощущений, надо мне обязательно взять книгу по живописи и рассмотреть её, найти линии, которые задержали бы мой взгляд и заставили бы думать. Линии могут подсказать сюжет или заставить бежать к столу, к бумаге. Любить живопись научил меня журнал «Огонёк»: в нём всегда печатали прекрасные вкладки лучших творений из лучших музеев мира. Живопись будоражит, нет ничего более прекрасного для меня, чем краски. Графика утончённа, для её созерцания нужно особое настроение, которое посещает редко; графический лист требует уединения, надо побеседовать с художником о времени создания, что пили-ели, каковы были дамы, умны ли монархи, и можно ли было пить воду из реки...» (16.09.2002 г.).

Он часто «подкупал» или заказывал интересующие его издания. «Купил “Ренуар” Анн Дитель. Интересно сделана серия “Живопись. Открытие”. ...В этой серии есть очень любопытные

издания... Все в нём (в “Ренуаре”) для меня родное. После него хочется писать. Я питаюсь цветом» (25.04.2009 г.).

«Читаю вновь И. Грабаря “Искусство в плену” и дневник А. Мокрицкого – удовольствие через 25 лет: книга простояла с середины 70-х годов – её прислали из Владивостока к 23 февраля» (2.01.2009 г.).

В редкие часы отдыха брал в руки интересные детективы. Он их называл «чтиво».

«Детективы хороши тем, что быстро забываются. А через месяц-два их читаешь – и словно новые» (22.03.2008 г.). «Люблю писания Агаты Кристи, читаю с удовольствием. Американцы грубы – Кристи изящна» (22.03.2009 г.).

До слёз смеялся над комедийными произведениями Аркадия Аверченко, «12 стульями» и «Золотым телёнком» И. Ильфа и Е. Петрова. В весёлом настроении неоднократно перечитывал «Хромого беса» Луиса Велеса Гевары.

Но самой любимой по-прежнему оставалась художественная литература: русская классическая и зарубежная.

Он откладывал томики А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, просматривал, перелистывал, находил знакомые места. Часто известные страницы книг были созвучны его душевному состоянию, многие возвращали в детство, счастливую юность.

Толчком служил какой-либо незначительный повод, случай, настроение.

«Вновь потянулся к А. Пушкину. Что-то тихое, светлое, забытое с тех времён, когда у меня был одноклассник Александра Сергеевича в коричневом переплёте, издание послевоенное, – и поразившие строки сети, притаившие мертвеца; а еще зимняя дорога, метель, и лишь позже повесть “Выстрел” (5.09.2002 г.).

А началось со вчерашнего вечера (вечер в Доме Союза писателей, в «Светёлке», проводил Е. В. Гропянов, 11.01.2002 г.). П. прочитал строки Александра Сергеевича: “Друзья мои! Прекрасен наш союз! Он, как любовь, неразделим и вечен...” Алиса сказала: “Не любовь, а душа”. Заспорили. И вот я нашёл: “Он, как душа, неразделим и вечен...” Тут зацепилось. Весь день читаю стихи бесподобного Пушкина»(12.01.2002 г.).

«Осенью я перечитал Чеховскую “Степь”... и был вновь, как ранее, когда я прочитал её первый раз, под впечатлением знакомого мне из моего детства – степь до сих пор в душе моей: и мои детские походы с мамой на бахчу, и горячая пыль, и потрескавшаяся от жары земля, и небо без конца, и белое, пушистое одинокое облачко, случайно забредшее на голубое полушарие и поэтому раздумывающее, идти ли дальше или раствориться...» (27.08.2003 г.).

«Меня притягивает к себе И. С. Тургенев. И вновь зимой, при новом столкновении с Иваном Сергеевичем, я ощутил себя в новом качестве, в том самом, в котором я пребывал в студенчестве, когда всё открывалось новое, лёгкое и нужное... И сейчас я унесся в те годы, когда был молод, когда встретил мою Алису в зелёном костюме с зелёным галстуком, когда я радовался каждому новому слову, когда любил писать, когда мечтал о писательстве, когда казалось, что жизнь бесконечна. И так сладостно стало от слов Ивана Сергеевича, что захотелось ему поклониться за его волшебное превращение меня в юношу... Чист и светел его язык! И настолько он русский, что сердце плачет от восторга» (19.01.2006 г.).

«“Время страстей человеческих” Сомерсета Моэма... Моэм удивляет меня так же, как и 40 лет назад. До сих пор под впечатлением его рассказа “Дождь”, читанного в поезде “Владивосток – Москва”, когда мы с мамой ехали в Рогачев. Это был 1961 год. Тогда же я в упоительном восторге прочитал “Владимирские просёлки” Владимира Солоухина. Меня оглушила печаль “Дождя” и встревожила поэзия “...просёлков...”. Вспоминаю то время с нежностью: я был счастлив» (1.04.2008 г.).

В то же время в содержании этих книг, хорошо ему знакомых, не раз читанных, он, возвращаясь к отдельным страницам, находил нечто новое для себя, не замеченное ранее или прочитанное мельком, считавшееся незначительным, и воспринимал текст совершенно по-иному.

Переосмысливались прежние оценки: становились более глубокими, серьезными, настолько интересными, что заслуживают их прочтения.

Позволю привести некоторые из них.

«Лучшее в прозе 1830-х годов – “Капитанская дочка” А. Пушкина и “Герой нашего времени” М. Лермонтова» (14.01.2002 г.).

«Бегло перечитал “Евгения Онегина”, ещё раз утвердившись, что А. Пушкин написал на века. И это наше, родное, щемящее, понятное только нам. Запад не создаст такого никогда...»

(23.12.2005 г.). «Утром открыл “Евгения Онегина” – зачитался: по философскому звучанию гениально» (12.9.2010 г.).

«“Рубка леса”, “Маркер”, “Набег”, “Севастопольские рассказы” Льва Толстого читаю совершенно по-новому.

“Севастопольские рассказы” произвели такое впечатление, что некоторые эпизоды перечитывал по несколько раз... После него (Л. Толстого) все кажется ничтожным» (23.10.2008 г.).

«Прочитал последнее письмо И. Тургенева Л. Н. Толстому. (У Тургенева был рак шейных позвонков.) Я преклоняюсь перед Иваном Сергеевичем – один из лучших, если не лучший русский писатель. Ф. Достоевский меня угнетает, И. Тургенев радует, М. Лермонтов и Н. Гоголь убеждают в силе русской речи. А. Пушкин подобрал всё – он мыслитель» (4.11.2010 г.).

«И. Репин “Далёкое-близкое”... У него я нашёл фразу, которую сегодня забыли. Он приводит слова И. Тургенева: “Вне национальности нет искусства”. Не знаю, где употребил эти слова Иван Сергеевич, но как мощно сказано: ибо сегодня проповедуется “вненациональное”, “внерусское”. Именно поэтому я рад, что в Сростках (родина В. Шукшина, алтайское село) отметили юбилей В. Шукшина, в Москве – В. Высоцкого. В. Шукшин – это Россия, которую никто не понимает... Весь мир ненавидит Россию: за дух, за непонятливость – за всё. И сейчас рвут на части великого гиганта планеты» (26.07.2005 г.).

«Есть “Листья травы” Г. Лонгфелло и есть “Трава забвения” В. Катаева. Г. Лонгфелло при его мировой славе (“Песнь о Гайавате” в переводе И. Бунина шедевр!), а именно “Листья травы” мне не интересны, потому что я не погружаюсь в них. “Трава забвения” В. Катаева для меня родная, так как это русская история и русская литература, дух моего восприятия того времени. Его отзывы о Ф. Достоевском и Л. Толстом удивили, хотя с некоторыми его словами можно согласиться» (23.6.2002 г.).

«Оказывается, Ирина Одоевцева – это псевдоним Ираиды Густавовны Гейнике. А В. Зильбер стал В. Кавериним (по культуре В. Каверин более русский, чем многие русские). Я люблю этих странных людей, которые могут вытворять со словом всё, которые в поисках его (слова) тратят, как в топке, свои лучшие годы, а могли бы тлеть – не гореть. Это великие писатели!» (21.02.2007 г.).

«Вечером читал “Моби Дика” Германа Мелвилла, читал и думал, что в литературе не так много гениальных писателей: странно пропущенное звено (в литературе остаются романы-притчи) – Апулей – Д. Боккаччо – Ф. Рабле – А. Данте – Д. Свифт – Г. Мелвилл – Л. Толстой – М. Шолохов: здесь Г. Мелвилла всегда пропускают» (21.08.2007 г.).

«На ночь – повесть Пантелеймона Романова “Право на жизнь, или проблемы беспартийности”. Написана в 1926 году, скорее всего, реакция на “Постановление ЦК компартии о литературе” (1925 г.). Грустная, трагическая повесть. Её можно применять ко всем временам. Дух того времени передан прекрасно!» (14.03.2008 г.).

«Дома взял в руки “Записки писателя” Н. Телешова, и многое вспомнилось: я читал их в давности; передо мной рисовались наши классики. Душа моя трепетала; много раз я перечитывал “Записки...” Они долго оставались моей любимой книгой. И вот я сегодня прикоснулся к своей юности. Всплыли мечты, душа загрустила, время ушло... А нынешнее?..» (20.04.2008 г.).

Иногда известные со школьных лет фамилии авторов, до творчества которых не доходили руки из-за нехватки времени, вдруг становились настоящим открытием. Так произошло с «Фрегатом “Паллада”» И. А. Гончарова, повестями А. Белого, стихами О. Мандельштама, рассказами И. Бабеля, романами А. Франса и Г. Мелвилла.

«Читал И. Гончарова “Фрегат «Паллада»» – удивительное погружение в русский язык. Раньше я пренебрегал “Палладой”: как-то не до него было. Медленно, с наслаждением читаю. Иван Александрович здесь, в “Палладе”, явил себя умнейшим писателем. “Паллада” для меня – свежий ветер морей. Он мне полюбился.

Сейчас я как бы вернулся в юность: к Д. Ливингстону, Ч. Дарвину на “Бигле”, Н. Миклухо-Маклаю, людоедам, ому, тайни, Алену Бомбару и кумиру моему Туру Хейердалу, который настолько захватил меня, что я долго не мог освободиться от его чар, впрочем, я и не пытался этого сделать, чему и рад.

Тут И. Гончарову не пришлось романизироваться, в чём он был силён (какая концовка “Обломова” – чудо!), тут он свободен в языке, композиции, выборе стиля. Всё-таки Иван Александрович как был, так и остался классиком... И вот закончилось мое общение с Гончаровым и его “Фрегатом «Паллада»”. Сколько дней я переживал его плавание! Он остался для меня родным, я свыкся с фрегатом, с автором, его слугой. Я, вдруг окончив книгу, загрустил, мне захотелось видеть Ивана

Александровича. Я совершенно по-другому глянул на него. И вот теперь осталось только сожалеть о том, что всё оборвалось в Иркутске, а еще более, что Гончаров не побывал в Камчатке. Какие описания мы потеряли! “Паллада” – пример тому, как надо писать о путешествиях» (6.10.2004 – 19.03.2005 гг.).

«Осип Мандельштам... К нему относился я с прохладцей, а порой с отчужденностью, когда мне его навязывали по радио, ТВ и в газетах.

Но вот, перебирая книги, снесенные в большую комнату, откладывая многие в ящики, взял чёрный двухтомник и решил было Осипа засунуть в ящик и забыть о нём. Но раскрыл предисловие – автор Сергей Аверинцев (а я его уважаю за русский ум), пролистал том, наткнулся на сей стих:

Подражание новогреческому

Девочку в деве щадя, с объяснениями юноша медлил
И через семьдесят лет молвил старухе: «Люблю!»
Мальчика в муже щадя, негодуя, медлила дева
И через семьдесят лет плонула старцу в лицо.

(Юноше было 88, а деве 86 лет. Примечание О. Мандельштама).

Прочитал другие стихи Осипа – не зря был другом Гумилёва» (8.12.2004 г.).

«Под впечатлением “Моби Дика” Мелвилла – 20 лет у меня эта книга. Понадобилось лечь (лечь в больницу в 2001 г.), чтобы прочитать её основательно. Мелвилл явился откровением. Он рядом с “Дон Кихотом”, “Таргантюа и Пантагрюелем” (“Война и мир”, “Тихий Дон” вершина литературы). Мелвилл покорила меня. Он исследователь. У него многое можно почерпнуть. Такие книги-долгожители в литературе. Мелвилл воскресил мою юношескую мечту увидеть Маркизы, Гавайи, Микронезию, остров Пасхи... После “Моби Дика”, книги буйной и жёсткой, всё кажется скучным и пресным» (9.08.2001 г.).

Книга тревожила и беспокоила его и в последующие годы. «Сейчас, при работе над Берингом, меня должны притягивать русские классики. Так нет же... Меня тянет к “Моби Дику”. Последний раз читал его в больнице в 2001 году, очень медленно, с удовольствием, и долго оставался под влиянием той необъяснимой силы, которая исходила от неё.

Казалось бы, со временем всё должно измениться, оно и менялось. Но проходили месяцы, и вновь на горизонте вырисовывался “Моби Дик”, и меня тянуло к нему снова. Мне хотелось немедленно взять книгу и прочитать хотя бы несколько строк, чтобы успокоиться. Я это и делал.

Но вот осенью, будучи один на даче, я вновь ощутил тоску по “Моби Дику”. Что за книга такая, когда ты, словно больной, обязательно за нее цепляешься, будто хочешь найти утешение в этой жизни?».

Однако первичным ли было чтение, повторным или многократным, самое главное, оно питало его душу, сердце, а жизнь наполняло смыслом. Авторы становились ближе, роднее, понятнее.

После знакомства с Н. Смирновым-Сокольским, пишущим об издательских делах поэта Пушкина и его гонимых проблемах («Летописи жизни А. С. Пушкина»), Е. В. стал осознавать его «как человека живого, со всеми своими делами земными». По-прежнему восхищал его «теплотой души» И. С. Тургенев. Его повести «Дым», «Новь» считал книгами о нашем времени («Если бы кто-то из режиссеров поставил фильм, то успех полный...»), а «Записки охотника» – «чудесной книгой, одной из лучших в литературе», так же, как и пьесу А. П. Чехова «Иванов», «написанную на все времена». С удовольствием брал в руки И. Бунина – «Литературное наследство»: «Бунин непременно надо изучать. Кто сейчас так пишет? Никто!..» Зачитывался томиком К. Паустовского «Наедине с осенью» и «улетал мыслями далеко в юность». Состояние «восторга и трепета» вызывали рассказы И. Бабеля, И. Эренбурга. Поражал «языковым искусством» И. Шмелев в «Человеке из ресторана». Был под сильнейшим впечатлением от работоспособности А. Белого и его гениального мышления, когда «потянулась рука к его большому тому “Проблемы творчества”». По радио передача об А. Белом. Он остаётся лучшим стилистом XX века... Белый искал слова. Он был писателем великим, его оценят, ещё будут о нём говорить, много говорить! Какое количество листов написано у А. Белого!.. Умер в 53 года. Сделал столько, что хватит десятку писателей...» (21.04.2002 г.).

«Двенадцать» А. Блока вызывали «ощущение дрожи», а дневники его (записные книжки) научили понимать, что сиюминутная оценка и оценка истины – не одно и то же: они всегда находятся в противоречии. (Поэтому Блок сжёг свои дневники.) «Бегущая по волнам» А. Грина изумила тем,

что дама и человек в капюшоне, герои повести о В. Беринге Е. Гропянова, «чем-то исходят от него».

Настольным стал роман “Современная история” А. Франса: «Читаю с интересом, построчно, написана мудро и перевод хороший. “Современная история” А. Франса – роман прелюбопытный». Удивили своей поэзией Н. Заболоцкий и Н. Рубцов. «Падение короля» датского писателя И. В. Йенсена потрясло жуткими деталями: «деревянные башмаки казнённого сына не достались отцу, а их забрал палач по закону».

От слога Э. Гофмана в его историческом произведении «Мадам де Скюдери» получал удовольствие. «Вновь занимает меня Эрнест Гофман. Что-то в нём магическое, притягивающее и фантастическое» (19.11.2005 г.).

Ужаснула своей правдой в 90-е гг. проза М. Цветаевой, В. Дудинцева, И. Бунина, М. Горького, В. Короленко, А. Солженицына.

«Гражданскую войну точно можно изучать по “Невзорову” А. Н. Толстого, не изучать в историческом значении, а обстановку знать – лучше не написано», а «Хождение по мукам», надеялся, ещё займёт своё место рядом с «Тихим Доном» (28.02.2009 г.).

Много любопытного отмечал в «Воспоминаниях» П. Боборыкина.

Читая М. Волошина, удивлялся точности его суждений. Приложимое к нашим дням находил в статьях Е. Замятина. Его воспоминания об А. Блоке, М. Горьком, Л. Андрееве наводили на мысли об отсутствии защитников писателей в нашей современной литературе.

У Томаса Манна учился написанию типов: «Много внимания одежде, хорошее знание предмета...».

Не мог не восхищаться русским писателем В. Беловым. «Мне взялась в руки книга “Холмы” Василия Белова. Листал я её, очарование русским языком опьянило, повеяло Русью, вольной и дикой». Этот список можно продолжить десятками фамилий русских и зарубежных писателей.

Иногда Е. В. укорял себя за непрочитанное: «В своё время я не прочитал Данте. А сейчас дал себе слово прочитать его, не пропустив ни строчки».

Остаётся только удивляться и отдать дань уважения тому, как успевал Евгений Валерианович, ежедневно читающий камчатскую литературу, занятый множеством нескончаемых повседневных дел, пропускать через себя такой объём написанного. Побеждала страсть к чтению, помогала уникальная память, вмещавшая тысячи фамилий авторов, названий книг, цитат, дат...

Свои энциклопедические литературные знания он не мог хоронить только в себе, они находили выход в советах молодым, начинающим писателям, в работе со студийцами в ШЮЛД при Доме писателей, в его редакторских и издательских работах и, конечно, в общении с достойными собеседниками, обмене с ними мнениями о прочитанном, в его частых публичных выступлениях перед любителями чтения: «Ведь общение, – был уверен Евгений, – не меньше, чем талант, имеет значение: оно подвигает к соперничеству (скрытому), заставляет “вкалывать” за столом» (21.04.2002 г.).

Чаще Женя общался со знатоками литературы на Камчатке: любил вести разговоры с Н. В. Санеевым, Володей Кирпищиковым и другими. «О, сколько бесед за эти годы с Н. В. Санеевым обо всём, и никогда не скучно!» (27.09.2002 г.).

«Говорили с Володей Кирпищиковым об американской и латиноамериканской литературе, о традициях: если писатель связан с мировой культурой, то ему дана долгая жизнь. Если он одиозен, то и жить ему (как писателю) недолго» (17.02.2005 г.).

Часто созванивался с паланцами – Володей Косыгиным, Евгением Коптевым, с которыми когда-то строил, как выразился В. Коянто, «наш литературный дом».

Тесная многолетняя переписка с его старшими друзьями Л. Пасенюком, Б. Полевым, В. Полуйко, В. Васильевым, А. Галимовым, Т. Федоровой, А. Харитановским, Б. Мухачёвым, О. Красниковой, потомками В. Завойко, В. Атласова связывала его со всем литературным миром России.

Поэтому с глубоким чувством горечи воспринимал весть об уходе тех, кто ему был дорог. Они уносили с собой и свои мысли, и чувства, и нерождённые книги...

«По радио передали, что Виктор Астафьев в тяжёлом состоянии. Горько слышать такое: он поддержал меня в Иркутске в 1974 году на Зональном совещании молодых, не стал топтать... И в 1975 г. уже Николай Задорнов также отечески отнёсся к моему “Атаману”... На моё чутьё, Астафьев цельнее Набокова, он кровоточащ... Виктор Петрович – из последних дубов настоящей русской литературы».

Останутся В. Распутин, В. Белов, несколько имён, да и всё: литература не умрёт – обмелеет – беда, как с Аральским морем» (6.11.2001–2003 гг.).

«Вчера услышал по ТВ: “Умер человек столетия Тур Хейердал”. Его “Кон-Тики” в 50-е годы XX века привели в восторг. Моё желание путешествовать было столь велико, что я начал читать кни-

ги о разных странах. Марки подогревали моё воображение. Я знал тогда очень много. Остров Пасхи долго меня не отпускал. Тур Хейердал остался в моём сердце тем романтиком, который умеет зажечь самое главное – стремление к цели. Без этого невозможно жить! Как хочется хоть что-то успеть сделать! Тур Хейердал, романтик эпохи, ушёл. Счастлив тот, кто общался с ним. Мне Т. Хейердала заменял Б. Полевой. Но и его не стало» (20.04.2002 г.).

«Вчера сообщили: умер на 90-м году А. Солженицын (4 августа). Я не поклонник его творчества, но почувствовал: часть моей жизни уходит» (5.08.2008 г.).

«По радио: умер Виктор Петрович Астафьев. Нет тех, кто поддерживал меня в творчестве – Василия Антоновича Золотова, Николая Павловича Задорнова, Виктора Петровича Астафьева... Какие глыбы разбиваются!» (30.11.2001 г.).

«Как глупа всё-таки бывает жизнь! Хотя не так: как глупо мы распоряжаемся жизнью. (После смерти Н. В. Санеева.) Не с кем мне теперь поговорить о литературе, поболтать “за жизнь”. Из стариков в городе остался только я. В. Коянто и Е. Коптев – в Палане. Со вчерашнего вечера – дождь. Он стучит по подоконнику, будто просит: “Пусти в дом: мы вместе будем оплакивать кончину Николая Васильевича”. Как пусто стало в этом мире!.. Мир сужается!» (28.09.2001 г.).

«Смотрел по ТВ фильм “Бумбараш”. Его любил Роберт Моисеев. Иногда кажется, что он жив. Больше года, как он умер, а всё кажется нелепостью» (24.1.2009 г.).

«Очень жалею, что нет сейчас Н. В. Санеева, В. М. Кирпищикова, нет и Роберта Моисеева – лучшие умы Камчатки!» (24.1.2009 г.).

«Сколько ушло интереснейших камчатских писателей: В. Варно, В. Золотов, В. Кудлин, В. Науменков, Р. Райгородецкий!...» (27.09.2002 г.).

«Два поэта... их судьбы не оставляют меня равнодушным – Борис Головин, покончивший с собой, и Сергей Скоробогатых, умерший от алкоголя на ступеньках гостиницы на Северо-Востоке. Что-то беззащитное и детское было в их душах. Они любили поэзию и жили для неё... Б. Головин и С. Скоробогатых были “голыми” – ни гроша, ни квартиры... Сгоревшие метеоры на грешной земле...» (22.01.2002 г.).

Потери, потери... Они наводили на мысли о быстротечности собственной жизни. «Как пусто стало в этом мире: уехал В. Санакоев, собирается в Омск Ю. Ганин, очень далеко Л. Пасенюк, давно не пишет старенький Б. Полевой... Тает мой круг, всё более грустнеет природа» (29.09.2001 г.). По-этому сам спешил успеть сделать, написать...

Евгений Валерианович выступал защитником и рыцарем книг и вообще литературы, русского языка. «Шёл за внучиком в детский сад, вижу: у контейнеров с отбросами лежат кипы книг: А. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов, А. Куприн – классика русской литературы не нужна. От них стараются избавиться. Телевизор заменяет многое. Да не в ТВ дело: культура исчезает. Кстати, именно у таких баков можно собрать великолепную библиотеку, наполненную классикой и просто хорошей литературой, и можно это сделать задешево: книги на свалках, распродажах – и всё стоит небольших денег».

«Зашёл в “Российскую книгу” (12.11.2002 г.) и заплакал: А. Дюма “Три мушкетёра” стоят всего 50 рублей. Мир перевернулся и сошёл с ума – засилье... нервических писаний о низменных чувствах... Александр Сергеевич нынче дешевеет. Значит, наше общество больно очень сильно!» (12.11.2004 г.).

«На даче лежит роман Л. Толстого “Война и мир” и разрозненные тома из его 22-томника. Кто-то выкинул в мешках, я подобрал: не могу равнодушно проходить мимо выброшенных книг». (26.10.2008 г.) «Кто-то вынес к мусорным контейнерам книги, я взял две, жалею, что не все. Там нашёл Л. Толстого, Н. Тихонова и других. Н. Тихонова хотел отдать. Но стал читать интересные русские рассказы...» (10.06.2010 г.). «Книги скоро будут продавать на вес, как в Китае» (19.07.2006 г.).

Раздумья Евгения о положении самого писателя в новой России, о языковом оскудении, об отношении к книге в обществе, о будущем литературы, о самой России тут и там разбросаны по его записным книжкам. «Из Вилючинска – Т. Е. – поэтесса, пишет для детей. Собирает деньги на книжку, говорит, что это унижительно. Да, пишущий человек поставлен у нас в жуткие условия: он унижен и оскорблён, но не сломлен: всё равно тянется к бумаге, он жаждет выразить удивление этим миром и подтолкнуть людей хоть чуточку осмотреться вокруг, чтобы понять, что человек рожден не для пожирания пожираемого, а для высоты духа. Увы! Так устроено всё вокруг, что высота духа волнует немногих. Они в меньшинстве. Бывает, что они отсутствуют вообще, потому что их истребили заранее, чтобы не будоражили тех, кто посвятил свою жизнь едалову – или из алюминиевой чашки или из золотой тарелки» (21.07.2004 г.). Свои мысли он пробовал изложить и в стихотворной форме:

Эпохой я растапливаю печь:
 Горят газеты и журналы,
 Вот потрясающая речь – обуглилась, опала.
 Роман, потрясший все устои,
 Горит подольше,
 А стихи, воспевшие цветущие застои,
 Дымят нещадно – авторов грехи.
 Горят страдания и инфаркты.
 Бесчестье сгнуло в огне.
 Гореть не могут только факты –
 Они – в тебе, они – во мне.
 Их вбила жизнь навечно в сердце.
 Они тревожат нашу мысль.
 Что отдадим грядущему в наследство?
 Золу из мыслей? Или мыслей смысл?

В конце жизни он особенно бережно относился к книгам, как-то по-особому благоговейно: они воспитывали его, из них он брал то высокое, духовное, без чего человек не может быть человеком! Ведь благодаря им он приобрел писательский опыт, они стали его учителями, друзьями, наставниками. У них он учился создавать типы, выписывать детали, владеть божественным русским языком, которым не переставал наслаждаться, стилю. «Взял книгу “Житие протопопа Аввакума”. Какой молодец И. Тургенев, который восхищался ею. Он же и разрешил мои сомнения. Читаю: “Писательница Луконина спросила у И. С. Тургенева, долго ли она будет искать свой стиль?” На что Иван Сергеевич ответил: “Всю жизнь, Марковна!” (А я укорял себя, что никак не могу его найти)».

Но человек не уходит без надежды. Так и Евгений Валерианович был уверен, что «придет время, и закончится безумие нынешнего. Люди вновь обратятся к книге, лучшим мировым образцам. Им захочется нравственного возрождения и величия, и тогда не будут выкидываться на свалку библиотеки, и те, кто видел гибель книг... воспрянут». (8.08.2007 г.).

«Грустно, – записал он. – Взял томик Л. Толстого, открыл. Приезд Николая Ростова домой. Стало ещё грустнее. Но подумалось, что литература никогда не умрёт. Сегодня ей очень тяжело. Наверно, тяжелее не бывало... Литература вытерпит всё, она воспрянет, отряхнётся и ещё засверкает наша русская литература!» (01.11.2000 г.).

И эти надежды на лучшее не были беспочвенны. Они подтверждаются замечательными словами самого Евгения Гропянова: «Только что читал “Евгения Онегина” и Ю. Лотмана “Комментарии к роману в стихах”. Вот наша великая литература! А. С. Пушкин пишет роман в стихах!, а Н. В. Гоголь поэму “Мёртвые души” в прозе. Какой народ способен на такое!?»

P. S. «Все более рассуждая о судьбе России, удивляюсь её мощи, неистощимости и кротости. Всяк норовит её пнуть, и пинает, но у этого всякого нога отсыхает в конце концов.

Кто ни хочет – плюнет, да и сам вскоре давится. Иные и кулак поднимают и оружием похваляются, и громы сотворяют, а Россия перекрестится – и пошла тогда крушить – земля содрогается» (2.11.2002 г.).

«Вновь, в который раз говорю себе, говорю потомкам своим: любите Россию беззаветно. Нет в мире земли загадочнее, нет в мире земли Вселенской, как наша Россия, которая умеет питать Ваше сердце, которая умеет любить Вас и прощать грехи Ваши. Никакая земля не воспитает столь доброты и открытости, как моя Россия. А уж терпения у России на весь мир, на всю Вселенную хватит и ещё останется другим Галактикам... Мир разумен и умён, но без России он – ничто».

Автор благодарит за помощь сотрудников Камчатской краевой библиотеки им. С. П. Крашенинникова: Марину Владимировну Кораблёву и Татьяну Алексеевну Беляеву.